

18+

АНДРЕЙ АГАФОНОВ

**САМЫЙ
ДЛИННЫЙ
ДЕНЬ
В ГОДУ**

Андрей Агафонов
Самый длинный день в году

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63988691

ISBN 9785005324436

Аннотация

Жизнь есть сон. Или очень долгий выход из комы... Рассказ предназначен для внимательных и наблюдательных читателей.
120+ Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Серый голубь	5
2. Воскресенье	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Самый длинный день в году

Андрей Агафонов

© Андрей Агафонов, 2021

ISBN 978-5-0053-2443-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Серый голубь

В оконном проеме стоял человек.

Квартира за его спиной была слегка потрепана многодневным загулом. В смятой постели кто-то шевелился. Магнитола «Шарп» гремела «Звуками Му».

– Я самый плохой! Я хуже тебя! – хрипло прокричал человек в унисон. Голуби на усыпанном сережками, еще не просохшем после ночного дождя асфальте слегка засуетились.

– Я самый ненужный! Я гадость! Я дрянь! – он захохотал.

Ветер шевельнул волосы на его голове. Сзади послышался неясный возглас, почудилось какое-то движение.

– Зато я умею летать! – и он шагнул вперед.

Голуби взвились над онемевшим двором.

– Просто повезло. Семнадцать лет курил, потом приключилась со мной пневмония. И как отрезало. Выхожу из больницы в мае, слабый еще, ноги дрожат, а яблоны пахнут! Все пахнет! Голова закружилась. Пришлось на лавочку сесть. И вот пока там сидел, я...

Голос был приятный, с богатыми модуляциями. Говоривший не давал петуха, пускаясь в пафос, и не фальшивил на пониженных тонах. Чувствовалось, что он рассказывает

про яблони далеко не в первый раз.

Дмитрий осторожно приоткрыл глаза, увидел мутно-желтую полосу вверху, услышал, почти уловил стрекотание люминесцентной лампы под потолком. На удивление, боли он не чувствовал. «Накачали», – подумал он, собираясь с духом, и попытался повернуть голову на звук. Глаза, как бильярдные шары, будто покатались внутри головы, стукнувшись друг о дружку. Он застонал. В комнате сгустилась тишина. Затем над ним повисли огромные бледные лица. Слева – смутно знакомое женское («мама?»), справа – украшенное роскошной бородой мужское.

– О-хре-неть... – протянула борода с непонятной Дмитрию интонацией.

Слева что-то грузно обвалилось на пол.

Память возвращалась толчками, пульсируя. Вот они идут по проспекту Ленина июньским вечером, Таня с яблоком в руке, впереди Денис с Антоном, все четверо уже изрядно навеселе, но тревоги никакой нет по этому поводу, да и что может случиться – центр города, откуда здесь гопники? «Рок-н-ролл мертв, а мы еще нет!» – надывается Денис, Антон подпевает, Таня берет Дмитрия под руку, он чувствует тепло ее бедра, смотрит на ее щеку – розовую, детскую. Квартира пустая, родители Димы в отъезде, но парни

не торопятся подняться, курят у лавочки. Антон отводит его в сторонку, протягивает руку, разжимает кулак – на ладони лежит кусочек бумаги.

– Что это? – не понимает Дмитрий.

– Это, – смеется Антон, – это пропуск!

– А... не опасно?

– Для кого? – Антон придвигается вплотную. Смотрит с вызовом. Виски выбриты по-модному, черный хохолок на голове подрагивает. – Для тебя?

Дмитрий оглядывается на Таню, но она треплется с Денисом, оба смеются, Денис оглядывает ее с головы до ног.

– Давай, – шепчет он с залихватской удалью.

Антон поднимает руку, и Дмитрий кончиком языка снимает марку с его теплой ладони.

Они говорили, говорили, говорили, говорили и говорили. Временами появлялась водка. Забытый телевизор весом в пуд укоризненно темнел в углу, мигала зеленым огоньком видеоприставка. Несколько раз приходили соседи, жаловались на шум, один остался выпивать с ними. В разгар веселья приехал Вадик с коксом, и тут обнаружилось, что кто-то закрыл дверь изнутри, а ключ потерялся, и Вадика за-таскивали через соседний балкон от компанейского соседа, кажется, немного знакомого с зоной. Потом ключ нашелся,

зато потерялся сосед вместе с видеоприставкой, что почему-то очень всех рассмешило. В середине ночи Дмитрий обнаружил, что уже примерно час танцует без музыки, потому что кассета кончилась, но усталости он совершенно не чувствовал. Таня обиделась на то, что ее не угостили коксом, и куда-то пропала из комнаты. Антон оказался очень интересным человеком, с выражением декламировал довольно длинные стихотворения, выдавая их за свои, цитировал «Межлокальную контрабанду» и разыгрывал на пару с Денисом смешные сценки. Тонкий изящный Антон был как белый клоун, кряжистый Денис – конечно, рыжий. Очередной сосед (вроде бы другой, не тот, что исчез раньше – да, постарше! И толще) исповедовался Дмитрию на кухне, и лицо его красиво блестело от пота в свете желтой лампы:

– Я был художником! А потом я продался. Сейчас уже ничего не напишу.

– Может, и тогда бы не написал, – вставил Вадик.

– Что? – огорчился сосед. – Ну, парни...

– Извини, – давая ухмылку, пробормотал Дмитрий.

Сосед вышел, бросив на пути к двери взгляд в зал и крикнув. Даже не стал останавливаться, просто махнул рукой и вышел.

– Продался он, – процедил Вадик, – кому ты нужен, художник?

– Ну не скажи, – возразил Дмитрий, – у него ранние картинки очень яркие были, хотя и с чертями всякими.

– Да видел я его картинки, бульон из-под яиц, воспоминания о немецком экспрессионизме. Вот Глазунов – это художник, это я понимаю...

– Ты глумишься, что ли?!

– Ну, немного... Слышь, я это, поеду. Машка вернется. Расстроится, плакать будет.

– Давай...

Дмитрий запер за ним дверь, голова была поразительно ясная, настроение бодрое, все еще хотелось танцевать. Он вошел в комнату окрыленный. На кровати родителей лежали трое, Таня в середине. Денис гладил ее по груди сквозь черную футболку, Антон пристроился сзади. Глаза Тани были закрыты, дыхание учащено, тонкие пальцы сжимали член Дениса. Дмитрия как будто ударили по лицу. Без предупреждения, без малейшего проявления агрессии. Он даже как будто собирался сказать что-то вроде «Эй, это же нечестно», но тут Таня замычала, и его вырвало на ковер.

Он сидел у стены в коридоре и плакал. Денис опустился рядом на корточки,
потрепал по колену:

– Ну... Извини, братан...

Дима не реагировал. Денис вздохнул и поднялся. Антон уже подмигивал ему от входной двери. Они вышли. На мгно-

вание в духоту квартиры повеяло холодком.

2. Воскресенье

За окнами палаты было темно. Не хотелось даже думать о том, что скрывает эта темнота. Лето кончилось. Да все, наверное, кончилось...

С тех пор, как очнулся, Дмитрий еще ни с кем не разговаривал. Не был уверен, что сможет. Попробовал разлепить губы. Почувствовал себя словно цветок, этакий вялый тюльпан, пытающийся раскрыться. Безуспешно. Фанфан-тюльпан. Периодически сознание пропадало, перед глазами вспыхивали цветные круги. Слышались голоса.

Резко, как будто в результате неудачного монтажа, возник рыжебородый. Он сидел прямо перед Дмитрием. Бархатный пиджак висел на спинке стула, образуя своего рода драпировку.

– Ну здравствуй, – сказал бородач. – Встать можешь?

Дмитрий застонал.

– Шучу. Вставать пока рановато.

Дмитрию все же удалось разлепить губы.

– Что? – незнакомец привстал и наклонился к его рту.

– Где... мама...

– А нету мамы, – грустно сказал бородач, – умерла.

Все было как в черном тумане. Эта палата, этот человек, этот разговор.

– Как... когда...

– Да уж, – бородач закатил глаза, – лет десять.

Дмитрий не мог понять, почему человек с рыжей бородой издевается над ним. Он совершенно точно помнил, что никогда его раньше не видел, а следовательно... А следовательно... но...

– Папа тоже, – шепнул бородач интимно, – практически в один год и ушли.

– Кто еще, – Дмитрий почувствовал, как накатывает историческое веселье, – огласите... весь список...

Бородач открыл рот... поднял вверх указательный палец... не сказав ни слова, не издав ни звука, закрыл рот. Какое-то время они провели вместе молча. Дмитрию даже показалось, что он успел поспать.

Потом бородач достал зеркало и поднес к его лицу.

Из зеркала на Дмитрия глядел чрезвычайно изможденный, бледный, болезненный, плохо выбритый и совершенно незнакомый мужчина. Лет сорока.

– Сколько сейчас времени?

– Три часа ночи... Три часа дня... Не знаю.

Таня лежала, отвернувшись, замотавшись в простыню как мумия.

– Брошу все и пойду по городу, – грустно продекламировал Дмитрий, – собирать бутылки в пыли...

– Да иди ты куда хочешь... – кажется, она плакала. А он ничего не чувствовал. Абсолютно ничего. Кроме полной свободы. Он сел на кровати, затем встал и даже слегка подпрыгнул. Ничего! Он посмотрел на свои руки и увидел их насквозь. С костями, сухожилиями и венами. Все было хрустально прекрасно. Светлеющее небо за окном манило его. «А ведь я могу летать, – понял он, – это мне не снится, я действительно могу летать». Он нажал кнопку Play и взобрался на подоконник.

– Сколько... времени...

– Сейчас?

– Сколько времени я... здесь...

Бородач задумался.

– Ты имеешь в виду, в этом помещении или в этом состоянии?

– Со-стоя-нии...

Дмитрий чувствовал, что бородач издевается, но у него не было сил что-то с этим сделать. Например, выйти из себя.

– Со всеми переездами – ну, наверное, лет двадцать.

– Можно мне теперь... врача?

Рыжебородый опешил. И даже как будто обиделся.

– Так я и есть твой врач, – наконец процедил он. – А что, есть жалобы какие-то?

– Плохо себя чу... – он потерял сознание.

На третий день Дмитрий понял, что та женщина со смутно знакомым лицом – это Таня. Сильно располневшая и подурневшая. «Ну а что ты хотел, – спросил он сам себя, – чтобы время остановилось, пока ты в коме?» Оставалось понять, что она здесь делает и какова ее роль в происходящем. Времени для размышлений было навалом. Есть он все еще не мог, тела не чувствовал. За попыткой шевельнуть какой-нибудь конечностью тут же следовала вспышка дикой головной боли, как будто чугунное ядро разрывалось в голове и крошило там все чугунными осколками. Обезболивающее душка-врач давать отказался, объяснив это тем, что боль в голове «не физического, а метафизического характера, и лекарства тут не помогут». Клоун, блин... Дмитрий ненавидел его всей душой.

Потянулись недели реабилитации. Несколько раз ненадолго приходила Таня. Брала его за руку, больно сжимала пальцы. Разговаривать она не могла, потому что все время

плакала, и его это начало бесить.

– Да, да, – ворчал он, пытаясь вытянуть ладонь из ее пухлых рук, – это я, я живой, да, спасибо...

– Ты бы повежливее с ней, – сказал доктор после ее ухода. – Все-таки она о тебе столько лет печется. Столько денег потратила. Давно бы уж отключили тебя от всего, и фьють...

– Не лезь в наши дела, – огрызнулся Дмитрий.

– Как скажешь, – доктор достал из кармана телефон и начал играть в «змейку».

– А откуда такие деньги?.. – не выдержал Дмитрий.

– Из тумбочки, – ухмыльнулся доктор, не поднимая глаз от телефона. – Муж дает.

– И кто у нас муж?

– Шутник, блин. Мэр у нас муж.

– Звучит как шарада.

Доктор раздосадованно крикнул и сунул телефон в карман пиджака.

– Ладно, некогда мне. Физиотерапия через пятнадцать минут. Не спать! – он похлопал Дмитрия по коленке и испарился.

Накануне выписки в палату пришла Таня, в легкой весенней курточке. На скулах ее горели красные пятна. Дмитрий про себя отметил пористую кожу, сиреневые прожил-

ки на щеках. «Да она же старуха», – подумал он. Таня была взволнована и отчаянно трусила, но пыталась говорить торжественно.

– Дима, у меня хорошие новости!

От неожиданности он замер и смотрел на нее во все глаза.

– В понедельник... То есть завтра тебя выписывают, и ты... переезжаешь к нам!

– Куда к вам?

– К нам с Антоном. Домой. Он очень ждет встречи. Нам нужно очень много тебе рассказать.

– Не сомневаюсь, – ответил Дмитрий, и ему вдруг стало отчаянно стыдно. Он буквально сгорел от стыда, но тут же воскрес из пепла. – Конечно, Танюша. Спасибо... вам.

Она улыбнулась, давая слезы (он внутренне подобрался, но обошлось без них в этот раз), помялась немного в дверях и вышла, оставив тонкий аромат духов.

– Да ты счастливчик, – подмигнул доктор.

– Поменяемся? – сухо предложил Дмитрий.

Ночью он сел в постели, спустил ноги на пол, попытался встать, опираясь руками о койку. Получилось. Сеансы были не зря. Луна светила бешено, заливая пол палаты и выхватывая кусок стула с висящим на спинке пиджаком. Дмитрий подошел, хлопнул легонько по карману – в кармане звякну-

ли ключи. Он ухмыльнулся, натянул пиджак, оказавшийся чуть просторным, но по росту идеальным, прямо поверх пижамы, подошел к окну. Первый этаж. Машина доктора, серебристая «японка», стояла на пяточке за окном. Искушение было слишком велико. Он осторожно развел створки окна и бережно, жалея себя, спустился вниз. Достал из кармана ключи, с недоумением посмотрел на массивный черный брелок. Вставил ключ в скважину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.